

НА УКРАИНЕ, У ДИКОГО ПОЛЯ

Отрывки из повести
Вячеслава КОЛЕСНИКА

Предисловие от автора

Украйна – так называлась в 16-17-м веках южная окраина Московского государства. Граничила эта окраина с обширной безлюдной степью – Диким полем (Полем), простиравшимся на многие километры, вплоть до Причерноморья, где находились владения крымских и ногайских татар. Это были жестокие и алчные орды разбойников, кочевавших по степям и по нескольку раз в год совершавших опустошительные набеги на русские земли. Никого и ничего не жалели они на своём пути – селения сжигали дотла, людей поголовно истребляли или уводили в полон, стада домашнего скота угоняли с собой. Главной же целью этих набегов был захват пленников. Возвратившись домой с живым товаром – «ясырём», – татарин мог распорядиться им по своему усмотрению: выгодно продать, поменять на лошадь, использовать в качестве раба...

Только в первой половине 17-го века более двухсот тысяч пленников было уведено в Кафу (ныне Феодосия) на главный невольничий рынок.

И вот, чтобы более надёжно заслонить свои южные рубежи от врага, Московское государство решило построить здесь сначала несколько городов-крепостей (Воронеж, Курск, Белгород, Оскол, Валуйки), а затем и возвести сплошную оборонительную линию – Белгородскую черту. Строилась эта черта с 1635 по 1658 год. Состояла она из земляных валов, лесных засек, надолб, а также из естественных преград – рек, болот, оврагов. Её протяжённость составляла около восьмисот километров. Главным городом оборонительной черты был определён Белгород. Под его управлением находилось 25 городов-крепостей, которые были расположены на территории современных областей России: Белгородской, Воронежской, Липецкой, Тамбовской, а также Сумской области Украины. Почти половина из этих городов была построена на землях современной Белгородчины.

В наши дни даже трудно себе представить, какую тяжесть вынесли на своих плечах наши предки, какие лишения и невзгоды выпали на их долю. Но – стоек русский человек!

В этой небольшой повести я не ставил перед собой задачи во всех деталях, подробно отобразить то героическое, полное тревог время. У меня была другая задача – художественными средствами отобразить судьбу одной семьи, из-за помещичьего произвола бежавшей из центра Московского государства на его южную Украину. А поскольку в художественном произведении (даже если оно сопровождается выписками из исторических документов) автор имеет право на вымысел, я этим правом и воспользовался. Силой своего воображения я «поселил» эту семью на берегу реки Везеницы, там, где в те далёкие времена стоял город-крепость Болховец...

Словарь устаревших слов и понятий, встречающихся в тексте

Бирюч – глашатай.

Везеница – так называлась в 17-м веке река Везёлка.

Сторожа – караульная вышка в степи.

Приказная изба – воеводская канцелярия.

Бергыш – холодное оружие в виде секиры с искривлённым лезвием, насаженным на длинное древко.

Пищаль – огнестрельное оружие с фитильным замком. Пищали были ручные (ручница, самопал, недомерок) и крепостные, предназначенные для стрельбы со стен или лафетов.

Съезжая изба – помещение для временного содержания преступников, нарушителей порядка, пленных.

Станичники – воины, нёсшие дозорную службу в степи.

Каменный истукан – каменное изваяние высотой до четырёх метров, изображающее воина или женщину. Истуканы ставились в степи древними народами – половцами, скифами.

Трудник – человек, временно живущий и работающий в монастыре на бескорыстной основе, но не принадлежащий к братии.

Беренгейка – ремень (перевязь), носимый через левое плечо, с подвешенными принадлежностями для заряжания ружья (патроны, пороховницы, запас фитиля и пр.)

Облам – нависающий в сторону противника выступ сруба в верхней части деревянной крепостной стены.

Валуйка (Волуйка) – название современного города Валуйки.

Урусы – так называли татары русских.

1. ПОБЕГ

Третьи сутки тайно, по ночам, подальше от людских глаз и больших дорог двигалась семья Авдея Хлопунка в сторону Дикого поля, в сторону полуденную. Ни слова не говорили детям отец с матерью: зачем, куда едут, почему едут не там, где ровней, а по рытвинам, скрываясь в бурьянах.

Тряслись впятером на телеге Авдей с Домницей да с ними трое детей: Гаврилка, Фетиска – сыновья-погодки – да пятилетняя Анютка...

Однако на пятый день Гаврилка заметил, что отец маленько повеселел, хотя то и дело оглядывался по сторонам.

– Чего уж теперь-то оглядываться, Авдей? – спросила Домница мужа. – Спас нас бог, утекли.

– От кого утекли? – тут же встрял Гаврилка.

– От кого надо, – строго ответил отец. – Потом расскажу, как до места доберёмся.

– А где оно, то место? – спросил Гаврилка. – Долго ещё ехать?

– Бывает, что и всю жизнь едет-едет иной человек, да так и не доедет, – загадочно улыбнулся отец. И, помолчав, добавил: – А нам – денька два осталось.

– А что это за место такое, тятя? – разом спросили Гаврилка и Фетиска.

– Место это, ребяташки, называется – воля...

Сказал так Авдей и замолчал, задумался...

...Терпелив был Авдей, да всему когда-то наступает конец. Довёл его сумасбродный помещик до крайности. С утра до ночи трудился мужик в поле, а был в долгах как в шелках. Сказывали, что и барин тоже в долги к кому-то влез, проигрался в карты. А раз так – стал он взыскивать со своих крепостных... Авдей просил барина повременить до осени – собрал бы он осенью со своей полоски какой-никакой урожай и расплатился бы. Да только взбесился барин: «Не нужны мне твои обещания! Вынь да положи сейчас же что задолжал – семь четвертей жита!» Побледнел Авдей: где ж ему столько взять... нельзя ли до сентября дать отсрочку... «Отсрочку? Получай!» – ударил его по уху барин. – До сентября так до сентября! Но пока будет подрастать в поле твоё жито, раз в неделю будешь ты порот плетью на конюшне!»

А среди ночи сказал Авдей жене решительно:

– Собирай, Домнушка, пожитки да поскорей. Готовься в дорогу.

– Как? Куда? – опешила Домница.

– Далече. Дюже далече, – ответил Авдей. – Туда, где люди живут вольно, как птицы...

О тех краях, где люди живут вольно, как птицы, Авдей слышал от странников – много их ходило по Московии. Не обходили они стороной и тульскую деревеньку Колотишино, в которой жил, прозябал в нищете Авдей со своим семейством.

«Как солнце взойдёт, – говорили тихими голосами странники, – повернись к нему левым плечом и погляди вперёд. И как раз в той стороне будет земля, где живут люди не так, как вы, а сами себе хозяева...»

Наслушавшись этих рассказов, бежали от тяжкой кабалы и неуёмного помещичьего произвола крепостные людишки в далёкие полуденные края. Бежали, хотя и слышали, что житьё там тоже было не из лёгких – не давали покоя русскому мужику крымцы с ногайцами, убивали, грабили, уводили в полон. А извечно гнуть спину на ненасытного помещика – не полон? Перед тем как бежать, оставляли мужики по себе память – разграбленную клеть с припасами, опустевшую конюшню. Бывало, что и дом барский поджигали, и обидчика своего жизни лишали... Авдей же не стал брать грех на душу – никого и ничего не тронул, сорвался с места со своим небогатым скарбом да с женой Домницей да с тремя детьми – Гаврилкой, Фетиской, Анюткой...

2. У ДИКОГО ПОЛЯ

Через неделю пути сказал своим домочадцам Авдей:

– И вчера и сегодня всё степь да степь кругом – значит, скоро будем на месте.

– Глянь-ка, глянь-ка, тятя! – дёрнул вдруг отца за рукав Гаврилка. – Да не туда гляди, а вона куда!

Авдей обернулся, поглядел из-под ладони в сторону небольшого леска, откуда медленно навстречу им двигались два человека...

– Не погоня ли? – испуганно прошептала Домница.

– Какая тебе погоня! – уверенно сказал Авдей. – Погоня разве пешком ходит?

И в самом деле – к ним приближались, едва держась на ногах, двое. Похоже было, что это отец и сын: отец выглядел чуть старше Авдея, сын – примерно Гаврилкиных лет. Оба они были босиком, в изодранных, обгорелых портках и рубахах.

– Откуда вы такие? – спросил их Авдей.

– Оттуда, – не оборачиваясь, указывая рукой за спину, вздохнул мужик. – Поесть бы нам чего-нибудь, люди добрые...

Домница развязала торбу, протянула им два сухаря.

– Спаси, Христос. Другой день не евши, – сказал мужик, кланяясь. – Еле живые убегли от татар, с пустыми руками...

– И куда ж вы путь держите? – спросил Авдей.

– Домой вертаемся, – обречённо махнул рукой Дементий (так звали мужика.) – Из-под Шацка мы. Год назад сюда бежали, теперь вот – обратно. И там тяжко, и тут не легче. Так там хоть стрелу в спину никто не воткнёт – и на том спасибо.

– А мы – сюда надумали, – сказал Авдей.

– Воли захотелось? – спросил Дементий. – Ну идите. Бог вам на помощь. А я вот жену тут потерял да двух деток... Жену Настасью, царство ей небесное, на месте поганые порешили, а Федюшку с Матрёнкой в полон увели. Теперь вот с Ивашкой вдвоём мы остались...

Авдей стал распытывать Дементия про то, как выйти ему к поселениям русских людей, обосновавшихся тут, из каких мест те люди, как принимают они пришлых, помогают ли обжиться им на новом месте.

Всё рассказал ему Дементий – и про волю рассказал, и про опасности, каждодневно подстерегающие русского человека в этих местах, и про то, что не всякий может тут прижиться...

3. ВСТРЕЧА

В буерачном небольшом леске решил Авдей остановиться на отдых. Выпряг лошадь – пущай подкрепится сочной травкой, семейству наказал далеко не уходить от телеги, сам взобрался на высокую сосну. Так и есть, правильно сказал Дементий: впереди будет река, называется Везеницей.

Когда солнце скрылось за облаком, медленно проплывавшим над прогретой за день землёй, Авдей запряг лошадь.

– Ну, с богом! – сказал он, перекрестившись. – Надо дотемна на людей выйти.

Проехав с версту по ковыльному взгорку, увидели они впереди, в неглубокой ложбине, лес, остановились. Чутко прислушался Авдей: будто бы топором кто-то постукивает... Люди? Похоже. Только люди людям рознь. И решил Авдей, спрятав семейство вместе с лошадью в тянущемся вдоль оврага кустарнике, пойти на звук, узнать, кто там топориком машет. Не татары ли вздумали костёр развести?

Но вскоре понял Авдей, что никакие это не татары. А понял после того, как наскочили на него двое сзади, повалили наземь...

– Кистенём его, Данила, кистенём садани!

– Ты што, Кирей, ещё насмерть прибью...

Авдей застонал:

– Да вы что? Я же свой...

– Свои всякие бывают и хуже татарина попадаются, – сказал Кирей, чуть отпустив рогатину. – Рассказывай, кто таков? Не лазутчик ли, не пёс ли боярский? А то мы все тут в сыске.

– Беглый я, братцы... – прохрипел Авдей. – Из-под Шацка. Теперь, как и вы, тоже в сыске.

– Брешешь, собака! – пнул его ногой в бок Данила. – Пешком сюда шёл? Нет? А где ж тогда твоя лошадь?

– В кустах спрятал, – приподнявшись с земли, сказал Авдей, – недалече отсюда. И лошадь там, и жена, и дети.

Авдей, поглаживая бока, покосился на рогатину в руках Данилы, спросил:

– Ну так что – можно мне пристать к вам? Или назад возвращаться, под барские батоги?

– Приставай, – сказал Кирей. – Видим, свой брат. Мы тут с Данилой семьями живём уже пятое лето. Сами себе хозяева, никому не кланяемся. Таких, как мы, много тут вдоль реки по лесам обитает. Занимаются всяким – кто степь распахал, кто разбойничает, некоторые в Белгород ушли, в государеву службу записались. Там и гроши им платят, но мы пока туда не торопимся.

– А за радушную встречу, – улыбнувшись, сказал Данила, – ты уж прости нас. Иначе никак нельзя. Да ты и сам скоро это поймёшь.

Из истории

Согласно Указу царя Бориса Годунова (1597 год), крестьяне, сбежавшие от помещика, находились в розыске и подлежали возвращению к своему прежнему владельцу в течение пяти лет.

В 1607 году царь Василий Шуйский увеличил срок сыска беглых крестьян до 15 лет.

В 1649 году при царе Алексее Михайловиче был установлен бессрочный сыск.

Продолжение
в следующем
номере